
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 235-летию со дня рождения И. Я. Шмидта (1779—1847)

St. Petersburg
2014

Е. Р. Нестерова

Монголы XIII в. глазами современников ¹

В статье рассматриваются некоторые особенности восприятия монголов XIII в. иноземцами по сочинениям путешественников и послов из Европы и Китая.

Ключевые слова: Китай, монголы, Чингис-хан, образ, путешественники.

Монгольские завоевания начала XIII в. явились одной из наиболее драматичных страниц средневековой истории Евразии и до сих пор остаются объектом оживленных научных дискуссий. Внимание ученых привлекают феномен быстрого возвышения немногочисленного кочевого племени, особенности устройства огромного государства, позволявшие удерживать под властью великих ханов народы со столь разными жизненными укладами, как кочевники и земледельцы, последователи христианства, ислама, буддизма, конфуцианства, шаманизма. Держава Чингис-хана превосходила своей территорией великие империи древности, и даже после ее раскола номинальные связи между правителями этих образований сохранялись.

Монголы поражали современников своей боеспособностью и умением перенимать полезный опыт поверженных противников. Стремительность, с которой Чингис-хан установил свою власть над монгольскими племенами и покорил своих ближайших соседей — тангутов, чжурчженей, китайцев, свидетельствовала о его недюжинном таланте организатора. Однако не следует забывать, что у любого командира есть подчиненные, от которых исход предприятия порой зависит не меньше, чем от лидера.

Образ монголов в сочинениях имевших с ними дело иноземцев до сих пор не стал объектом специальных исследований. Вместе с тем на фоне возрастающего интереса к монгольской тематике актуальность данной темы не вызывает сомнений.

Мы обратимся к ряду сочинений европейских и китайских путешественников и постараемся выяснить, как они воспринимали монголов, на какие особенности общественного и государственного устройства обращали внимание, что представлял собой образ, формировавшийся в их сознании. Для этого мы сопоставим между собой сведения из записок Плано Карпини, Гильома Рубрука, Ц. де Бридиа,

Марко Поло, с одной стороны, и Чжао Хуна, Пэн Дая, Сюй Тина и Ли Чжичана — с другой ².

Возвышение Чингис-хана пришлось на период правления в Китае династии Южная Сун (1127—1279). На протяжении долгого времени страна была вынуждена вести активные военные действия на севере и северо-западе, где одна за другой формировались две мощные державы: тангутская Си Ся и чжурчженьская Цзинь. Вооруженные столкновения и регулярная выплата немалой дани негативно сказывались на общем состоянии государства. На этом фоне нарождающаяся сила монголов не показалась сунскому правительству серьезной угрозой. Имели место многочисленные переговоры и даже совместные военные операции ³.

Китайцы неоднократно отправляли послов к Чингису. Многие из них записывали свои впечатления, однако до наших дней сохранились далеко не все сочинения. Те же, что уцелели, представляют собой ценнейшие источники по периоду становления империи, поскольку несхожесть монгольских обычаев, традиций и жизненного уклада с китайскими побуждала путешественников к подробному описанию увиденного. И даже склонность китайских авторов к принижению остальных народов перед лицом собственного не умаляет их ценности [Чулууны, 1983. С. 17].

Для нашей работы особый интерес представляют два текста: «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») Чжао Хуна и «Хэй-да ши-люе» («Краткие сведения о черных татарах») Пэн Дая и Сюй Тина. Первое сочинение было написано в 1221 г. Его авторство на протяжении почти шести

² Подробнее см.: Нестерова Е. Р. Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы // Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2011—2012 / Под ред. В. С. Мясникова. М.: Вост. лит., 2013. С. 37—60.

³ Подробнее см.: Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 62—84.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта НШ-1406.2014.6 Совета по грантам при Президенте РФ.

столетий приписывали сунскому военачальнику Мэн Хуну, и только в начале XX в. было доказано, что на самом деле записки оставил ездивший к монголам в составе очередного посольства чиновник Чжао Хун [МДБЛ, 1975. С. 19—22]. Он постарался осветить все стороны повседневной жизни монголов — их традиционные занятия, военное дело и многое другое [Там же. С. 45—83]. Его отчет, составленный уже после возвращения домой, был построен по продуманному плану и разделен на тематические главы, а материал четко структурирован [Мункуев, 1961а. С. 82]

Второе упомянутое нами сочинение — «Хэй-да ши-люе» — представляет собой записки двух членов китайских посольств к наследнику Чингиса Угэдэю. Н. Ц. Мункуев склонен считать его более информативным, чем «Мэн-да бэй-лу», поскольку здесь речь идет исключительно о личных впечатлениях авторов [Там же. С. 92]. Пэн Дая и Сюй Тин порознь ездили к монголам в 1230-е гг., в 1237 г. они встретились и обменялись своими записями. Сюй Тин дополнил сведения Пэн Дая собственными наблюдениями, после чего сочинение приобрело свой окончательный вид [ХДШЛ, 1970. С. 707]. Так же как и «Мэн-да бэй-лу», оно представляет собой описание монгольской действительности первой половины XIII в., однако его преимущество в том, что авторы ездили вглубь Монголии, в то время как посольство, членом которого состоял Чжао Хун, направлялось к наместнику Чингис-хана на завоеванных землях Северного Китая [Там же. С. 712].

Третьим полезным источником для нашей темы является «Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи» («Записка о путешествии на Запад праведника Чан-чуня») Ли Чжичана. Глава одной из даосских сект Чан-чунь был в 1220 г. вызван к Чингис-хану, которого заинтересовал секрет вечной жизни. Путешествие длилось четыре года, все это время ученик Чан-чуня Ли Чжичан вел дневник, легший затем в основу его сочинения [Мункуев, 1965. С. 138—139]. Наряду со всевозможными описаниями чудес, прославляющими праведность Чан-чуня, в этом тексте содержится ряд интересных сведений по истории, этнографии и исторической географии средневековой Монголии [Мункуев, 1963. С. 158]. Впрочем, с точки зрения качества сведений это сочинение уступает как «Хэй-да ши-люе», так и «Мэн-да бэй-лу» [Мункуев, 1961. С. 92].

Несколько слов надо сказать о европейских сочинениях. Их можно разделить на две группы: записки членов францисканской миссии, отправленной к монголам в 1245 г., и записки путешественников, не входивших в эту миссию. К первой группе относятся «История Монгалов» Джованни де Плано Карпини и «История Татар» Ц. де Бридиа. Ко второй — «Книга о разнообразии мира» Марко Поло и «Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука.

Плано Карпини происходил из знатной итальянской семьи. Он был одним из основателей францисканского ордена, занимал видные посты в церков-

ной иерархии⁴. Именно ему папа Иннокентий IV (1243—1254) поручил возглавить миссию, направленную к великому хану с официальной целью обращения его в христианство (неофициальной задачей миссии было выяснение военного потенциала монголов и оценка вероятности их нового вторжения в Европу) [Карпини, 1957. С. 4—8].

Сочинение Карпини пользовалось популярностью и многократно переписывалось. До нашего времени сохранилось пять рукописей XIII в. Интересом читающей публики был обусловлен и тот факт, что латинский текст неоднократно переводился (первый перевод на английский язык датируется 1598 г., на французский — 1634 г., на русский — 1795 г.) [Там же. С. 10—11]. Издание 1957 г., которое используется в данной работе, представляет собой переиздание перевода А. И. Малейна, подготовленного в 1911 г.

Записки Карпини содержат много интересных фактов о различных сферах жизни монгольского общества того времени: о внешнем облике [Карпини, 1957. С. 26—28], о военном деле [Там же. С. 37—54], о желательных мерах противостояния монгольской угрозе в случае ее возникновения [Там же. С. 54—59] (последний раздел несколько сближает их с «Хэй-да ши-люе» Пэн Дая и Сюй Тина, которые также делились своими соображениями о борьбе против завоевателей; при этом главной идеей всех посланий было не поддаваться панике).

Другим памятником 1245 г. является «История Татар» Ц. де Бридиа. Это рассказ товарища Плано Карпини в его путешествии, францисканца Бенедикта Поляка, который исполнял в составе миссии роль переводчика [Карпини, 1957. С. 24]. Наиболее полный текст сохранился в копии донесения Бенедикта, снятой неизвестным монахом во время пребывания последнего в Польше и Богемии. Автор копии подписался только латинским инициалом «С», откуда и пошла традиция называть его Ц. де Бридиа. Этот текст сохранился в списке XV в., судьба оригинального донесения Бенедикта неизвестна [Материалы, 2002. С. 5].

Фламандец Гильом Рубрук⁵, монах, участник шестого крестового похода (1248), хорошо образованный человек, был поставлен во главе миссии, отправленной к монголам в 1253—1255 гг. французским королем Людовиком IX [Рубрук, 1957. С. 14]. Целью этого путешествия Н. П. Шастина называет поиск «возможности союза с Великим ханом в борьбе против ислама, союза крестоносцев с монголами в затянувшихся войнах на территории Малой Азии» [Там же].

Конечным пунктом маршрута Рубрука явился Каракорум [Там же. С. 16], и он оказался единственным европейцем, оставившим описание блистательной монгольской столицы по личным впечатлениям.

⁴ Подробнее о Плано Карпини см.: *Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans*. Stanford, 1971. P. 89—90.

⁵ Подробнее о Гильоме Рубруке см.: *Rachewiltz I., de. Papal Envoys to the Great Khans*. P. 125—126.

Рукописи, современные путешествию Рубрука, до нас не дошли. Первая публикация сочинения датируется 1600 г., почти через сто лет был издан французский перевод [Рубрук, 1957. С. 17]. На русском языке текст вышел в 1911 г. С этого текста выполнено используемое нами издание 1957 г.⁶

Сочинение Рубрука представляет собой четкий рассказ, охватывающий самые разные темы. Описываются монгольские жилища [Там же. С. 91], традиционные напитки и пища [Там же. С. 95], костюмы [Там же. С. 99]. Рубрук обращает внимание на положение женщины в монгольском обществе [Там же. С. 100], на монгольскую систему судопроизводства [Там же. С. 102], рассказывает об интересных встречах с оказавшимися в монгольском государстве чужеземцами [Там же. С. 158, 163]. Труд Рубрука считается важным источником по истории Востока [Там же].

«Книга» Марко Поло⁷ — источник последний в списке, но отнюдь не последний по значению. Сочинение венецианского купца, много лет в качестве посланника находившегося на службе у хана Хубилая и ставшего одним из самых известных европейцев, побывавших в монгольских владениях в конце XIII в. [Rossabi, 1988. P. 147], хотя и вызывало в свое время сомнения относительно его правдивости в силу невероятности сообщаемых сведений, однако всегда пользовалось большой популярностью. Известно, что его читал Христофор Колумб (был обнаружен латинский печатный текст «Книги» с пометками Колумба на полях) [Марко Поло, 1990. С. 27].

Впервые рассказ Марко Поло был записан в 1298 г., уже в то время он вызвал живейший интерес, что привело к многократному переписыванию сочинения. До нас дошло свыше 80 списков [Там же. С. 30]. Интересна филологическая сторона дела: Марко Поло говорил на венецианском диалекте, а записывавший его рассказ пизанец Рустичано — на тосканском, так что книга была написана на том языке, которым в той или иной степени владели оба: на старофранцузском. Впрочем, Рустичано владел им не слишком хорошо (венецианским диалектом он, правда, владел гораздо хуже) [Там же. С. 29]. Старофранцузский текст был впервые издан по старейшей рукописи в 1824 г. Парижским географическим обществом [Там же].

Первый русский перевод вышел в 1863 г., однако он не обладал научной ценностью, будучи переводом с немецкого перевода⁸. Интерес к «Книге» Марко Поло проявлял выдающийся отечественный

⁶ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука / Вступ. ст., примеч. Н. П. Шастиной; пер. А. И. Малеина. М., 1957.

⁷ Поло Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано / Пер. И. П. Минаева; вступ. ст. И. П. Магидовича. Алма-Аты, 1990.

⁸ См.: Шемякин А. Н. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августа Бюрка, с дополнениями и поправками К. Ф. Неймана: пер. с нем. М., 1863.

синолог о. Палладий Кафаров, написавший специальную статью, в которой некоторые упоминаемые Марко Поло названия и факты комментировались с опорой на китайские источники. Впервые эта статья была опубликована на английском языке⁹, однако позже в архиве о. Палладия был обнаружен и русский текст, изданный Н. И. Веселовским в 1902 г. [Кафаров, 1902]. В том же году увидел свет первый по-настоящему научный перевод «Книги» на русский язык, выполненный Иваном Павловичем Минаевым и подготовленный к печати после его смерти Василием Владимировичем Бартольдом [Марко Поло, 1990. С. 32]. Используемое в настоящей работе издание полностью воспроизводит этот перевод [Там же. С. 33].

Биографических данных о Марко Поло немного. Известно, что его в возрасте 12 лет взял в дальнейшее путешествие к ханскому двору отец, Николай Поло, посол папы римского. Венецианцы благополучно добрались до Ханбалыка и на долгие годы остались при дворе Хубилая. «Прожил Марко с великим ханом семнадцать лет (в примечаниях И. П. Минаева говорится, что в других рукописях стоит «двадцать семь лет»). — Е. Н.) [Там же. С. 226] и все это время хаживал в посольствах» [Там же. С. 45]. В 1295 г. они благополучно вернулись через Трапезунд и Константинополь в Венецию [Там же. С. 47].

Кроме того, известно, что в 1298 г. он находился в геноузском плену, когда и надиктовал свое сочинение другому узнику, пизанцу Рустичано (причины заключения до конца не выяснены). В 1299 г. он вернулся на родину, где и умер в 1324 г. состоятельным и уважаемым гражданином [Там же. С. 30].

Отметим, что Г. Франке ставит под сомнение самый факт визита Марко Поло к юаньскому двору. Его аргументация базируется на том, что, во-первых, венецианец не упоминает о таких сугубо китайских вещах, как иероглифы и чай, а во-вторых — что какая-либо информация о приезде семейства Поло к Хубилаю в «Юань ши» отсутствует [Franke, 1994. P. 53—54]. Впрочем, нам эта версия кажется недостаточно аргументированной, поскольку круг общения Марко Поло включал в себя самую верхушку юаньского общества, в которой китайцы составляли малую часть, а монголы и сэму иероглифами не пользовались. Кроме того, не следует исключать человеческий фактор, чем можно объяснить и отсутствие упоминания о чае, и молчание «Юань ши». В конце концов, остальные аспекты «Книги» Марко Поло слишком самобытны, чтобы считать их результатом компиляций или измышлений.

В рассматриваемых нами сочинениях есть немало общих наблюдений. Однако между китайскими сочинениями имеются некоторые различия. Ли Чжичан не задается вопросом, как называть народ завоевателей, везде применяя термин «монголь» (蒙古 — мэн-гу). Из названия «Хэй-да ши-люе» (黑鞑事略)

⁹ Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. Cambridge, 1876. № 10. P. 1—54.

явствует, что Пэн Дая и Сюй Тин именуют монголов татарами (*да-да* — 鞑鞑). В частности, среди близких помощников Угэдэя упоминается Элчжидай (другой вариант прочтения — Эльчжигидэй [Сокровенное сказание, 1941. С. 171], сын одного из братьев Чингис-хана [Сборник летописей, 1952. Т. 1, кн. 2. С. 58]). Пэн Дая называет его «черным татаринном» [ХДШЛ, 1970. С. 726], как и другого соратника Чингиса — Мухали [Там же. С. 805]. А сочинение Чжао Хуна называется именно «Мэн-да бэй-лу» — «Полное описание монголо-татар». Автор прямо утверждает, что нынешние монголы и есть татары [МДБЛ, 1975. С. 50].

В своём сочинении Чжао Хун пишет о трех типах татар: белые, черные и дикие. Белые, обитавшие поблизости от китайской границ, испытывали на себе культурное влияние Китая, умели сеять просо, глубоко почитали родителей и в случае их кончины изрезывали себе лица [Там же. С. 45—46]. Дикие татары «весьма бедны да ещё примитивны и не обладают никакими способностями» [Там же. С. 48]. О черных татарах Чжао Хун ничего не сообщает кроме того, что к ним принадлежит Чингис-хан, а также его полководцы, министры и сановники [Там же].

В беседе с китайским послом Мухали, наместник Чингиса в Северном Китае, называл себя «мы, татары» [Там же. С. 53] (*да-да* — 鞑鞑), что Н. Ц. Мункуев трактует не как реальное отождествление себя с татарским племенем, а как использование принятого у китайцев названия для всех монгольских племен [Там же. С. 135]. Подвергает сомнению историю и слова Чжао Хуна «они даже не знают, являются ли они монголами и что это за название» [Там же. С. 53]. Н. Ц. Мункуев отмечает, что в монгольском тексте «Юань-чао би-ши» монголы к себе название «татары» не применяют [Там же].

Подтверждение двойному названию можно найти в европейских документах. Своё сочинение Карпини называет именно «История монгалов, именуемых нами татарами» [Карпини, 1957. С. 23], подчеркивая, что татары — не подлинное самоназвание, а только принятое (кроме китайских авторов, татарами именовали завоевателей и в русских летописях, из чего можно сделать вывод об использовании этого термина самими монголами в годы западных походов) [Карпини, 1957. С. 195]. Татарами же именуют их и Рубрук [Рубрук, 1957. С. 87], и Бенедикт [Материалы, 2002. С. 99], и Марко Поло [Марко Поло, 1990. С. 39]. Правда, повествуя о своём прибытии во владения Бату, Рубрук рассказывает следующее: они посетили сына Бату Сартака, который был христианином, но при этом не желал, чтобы его так называли, поскольку это казалось ему названием народа. Монголы же «превознеслись до такой великой гордости, что, хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают именоваться христианами, желая своё название, т. е. моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и татарами» [Рубрук, 1957. С. 114—115]. Это утверждение соотносится только с цитированным ранее

фрагментом из «Сборника летописей», где говорится о возвеличивании имени монголов после побед Чингиса.

Все путешественники обращали внимание на то, во что монголы одеваются, чем занимаются, где живут. Ли Чжичан записал, что в степном краю «на земле не растет дерева, а только дикая трава; небо произвело здесь только холмы, а не высокие горы; хлеба здесь не растут; питаются же (монголы. — *Е. Н.*) молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы» [Си-ю цзи, 1866. С. 285]. При этом юрты выкрашены в белый цвет [Там же. С. 286]. По дороге путешественники заехали во владения младшего брата Чингиса Тэмугэ и видели несколько тысяч стоявших рядами черных телег и войлочных юрт. Автор отметил, что юрты монголы изготавливают из ивы [Там же. С. 287]. В «Хэй-да ши-люе» Сюй Тин записал об этих жилищах следующее: «...войлочные палатки и у них нет городов — стен и домов. Они кочуют с места на место в зависимости от травы и воды, не имея постоянного места пребывания. Татарский владетель также переезжает с места на место со своими палатками для занятия оградной охотой» [ХДШЛ, 1970. С. 734].

Марко Поло записал, что дома у них деревянные, круглые, перевязанные прутьями, их легко расставлять. Телеги же, в которых перевозят жен и детей, покрывают черным войлоком [Марко Поло, 1990. С. 80] (подтверждаются данные «Си-ю цзи»). Описал монгольские жилища и Карпини: «...круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок» [Карпини, 1957. С. 27]. Пишет он также о двух видах юрт: разборных и неразборных, перевозимых на повозках [Там же. С. 28]. Те же сведения есть и в тексте Ц. де Бридиа, с тем добавлением, что стоянки хана и князей называются «орды» [Материалы, 2002. С. 115]. По сравнению с сочинением Карпини, донесение Бенедикта Поляка содержит в себе больше точных монгольских терминов. Это позволяет предположить, что именно Бенедикт собирал основную информацию, которая затем была литературно переработана Карпини, отсеявшим то, что показалось ему неважным.

Из обычных занятий монголов Ли Чжичан называет рыбную ловлю [Си-ю цзи, 1866. С. 287], скотоводство и звероловство [Там же. С. 288]. Подтверждение этому есть и в «Хэй-да ши-люе» (Пэн Дая отмечает, что монголы едят мясо, а не хлеб [ХДШЛ, 1970. С. 740], добывают рыбу [Там же. С. 741], а Сюй Тин пишет, что «поскольку черные татары не пашут, то быки у них тащат повозки» [Там же. С. 733]).

В «Книге Марко Поло» говорится, что монголы едят «мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс¹⁰: их много на равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко» [Марко Поло, 1990. С. 80]. Подробно описывает ра-

¹⁰ Вероятно, имеются в виду суслики.

цион монголов и способы приготовления пищи Рубрук [Рубрук, 1957. С. 95—98].

Ли Чжичан приводит описание одежды монголов, особенный интерес у него вызвал головной убор замужних женщин: они «надевают на голову бересту, фута в два вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины красной сырцовой тафтой; хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются Гугу; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом» [Си-ю цзи, 1866. С. 288—289]. Напомним, что Чжао Хун тоже не обошел вниманием этот прихотливый головной убор: «А все жены вождей имеют еще шапку гу-гу. Эта шапка сплетается из проволоки, по форме похожа на китайскую „бамбуковую жену“¹¹ и высотой свыше трех *чи*. Ее украшают темно-коричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней еще имеется торчащая вертикально палочка. Ее украшают темно-коричневым сукном» [МДБЛ, 1975. С. 80]. Есть описание этого головного убора и в «Хэй-да ши-люе» [ХДШЛ, 1970. С. 744], и в «Истории» Карпини [Карпини, 1957. С. 27], и в донесении Рубрука [Рубрук, 1957. С. 100].

Заслуживает внимания единодушно высокая оценка монгольских нравов. Ли Чжичан усмотрел в них «следы глубокой древности», поскольку письменности у них нет, послания передают только на словах, о церемониях не заботятся, а главное — «приказаний никогда не слушаются и, давши слово, не изменяют ему» [Си-ю цзи, 1866. С. 289]. Созвучная этому мысль есть и у Чжао Хуна: «Церемонии при всех встречах весьма просты и слова весьма прямы... вообще их характер простой и в нем есть дух глубокой древности. Достойно сожаления, что учат их изменившие и бежавшие чиновники цзиньских разбойников! Теперь они постепенно уничтожают их первоначальность, разрушают их естественность и обучают их коварству» [МДБЛ, 1975. С. 78—79]. Простоту и прямолинейность монголов Чжао Хун подтверждает и тем замечанием, что Мухали, оставленный в Северном Китае наместником самого императора, «предупреждает подчиненных ему полководцев и солдат, чтобы они называли его только по детскому имени, как своих братьев, и не разрешает им называть его иначе» [Там же. С. 60]. Очевидно, китайцам, наблюдавшим разложение собственной изнеженной верхушки общества, были весьма по душе монгольская простота и легкое отношение к богатству. Стоит вспомнить, что ни сам Чингис, ни его ближайшие потомки не искали личного обогащения. Великие ханы регулярно опустошали казны, раздавая сокровища приближенным и простому на-

роду, особенно прославились этим Угэдэй и его сын Гуюк. О невероятной ханской щедрости пишет Рашид-ад-дин [Сборник летописей, 1952. Т. 1, кн. 2. С. 258; 1960. Т. 2. С. 49—63, 121]. Верность же слову высоко ценится у всех народов.

Сюй Тин писал о монголах: «...нравы их просты, а мысли сосредоточены на тех делах, о которых речь идет в данном случае. Поэтому-то в их словах не бывает ошибок. По их закону, тот, кто солгал, умирает. Поэтому-то никто не осмеливается обманывать. Хотя у них не было письменности, но они смогли сами основать государство» [ХДШЛ, 1970. С. 749]. Наилучшим монгольским законом Сюй Тин назвал именно смертную казнь за ложь [Там же. С. 777]. А Пэн Дая отметил, что «обычай татар, поистине, таковы, что они не подымут на дороге утерянных чужих вещей. Однако неизбежно бывает воровство. Только совершают его люди из погибших государств... их (монголов. — *Е. Н.*) повседневное потребление не переходит пределов нужды в одежде и еде» [Там же. С. 749]. А едва ли сунские дипломаты имели желание приукрасить портрет своих северных недругов.

Европейцы обратили внимание на отменную боеспособность монгольского войска [Марко Поло, 1990. С. 81; Материалы, 2002. С. 121]. Марко Поло прямо пишет, что они «в труде и лишениях выносливы более, нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ» [Марко Поло, 1990. С. 81]. Францисканцы с уважением отзывались о монгольской морали: «Между собой живут мирно; разврат и супружеская измена встречаются среди них очень редко. Их замужние женщины своим целомудрием превосходят женщин других народов... воровство среди них является необычным делом» [Материалы, 2002. С. 123]; «хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою... это люди не изнеженные. Взаимной зависти у них, кажется, нет... никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может» [Карпини, 1957. С. 34].

Сочинение Ли Чжичана весьма субъективно. Как известно, Чингис-хан с уважением относился ко всем ученым, которые оказывались в поле его зрения, даже если они принадлежали к враждебному ему народу. Примерами могут служить Елюй Чуцай или Чан Чунь. Вызвав к себе китайского мудреца, великий хан поручил сопровождающим «не заставлять его голодать и утомляться, заботиться о нем и путешествовать с ним помаленьку» [Си-ю цзи, 1866. С. 281]. Однако, читая описание путешествия, приходится помнить, что писалось оно перед лицом реальной военной угрозы, на завоеванной территории, а даосы были не настолько святыми, чтобы закрывать глаза на свою безопасность. Чингис-хан неизменно признается императором без эпитета «незаконный», столь часто употребляемого в отношении монгольских правителей авторами «Хэй-да ши-люе» (см. ниже) [Си-ю цзи, 1866. С. 294, 301, 304, 376] и в целом не получает от автора негативной оценки, хо-

¹¹ «Бамбуковой женой» называли ствол бамбука с просверленными в нем по всей длине отверстиями, который обнимали во время сна в жару. Воздух внутри ствола не нагревался, так что из отверстий на спящего веяло прохладой.

тя фоном повествования служит описание военных тревог, в которые была ввергнута страна [Там же. С. 283]. Ли Чжичан всячески стремился подчеркнуть то внимание и уважение, которое Чингис выказывал по отношению к Чан Чуню. Чингис повелел своим приближенным называть даоса «бессмертным» [Там же. С. 321], а его последователей постановил освободить от повинностей [Там же. С. 335]. По возвращении же Чан Чуня на родину хан написал ему: «С тех пор как ты ушел отсюда, я еще ни один день не забывал тебя, и ты не забывай меня; поселись, где тебе любо в подвластных мне землях; хорошо, если твои ученики постоянно молятся и служат о моем долголетии» [Там же. С. 350].

Особо автор отметил, что даосы «являясь к Хану, не становились перед ним на колени и не били земных поклонов, а войдя в юрту, только наклонялись и складывали ладони» [Там же. С. 330]. Одной из задач своего произведения Ли Чжичан считал восхваление даосского учения, для чего и отметил тот факт, что даже перед лицом хана, завоевавшего полмира, даосы не выказывают раболепия.

Чжао Хун от оценок воздерживается, не отрицая императорского титула Чингиса и называя Мухали «го-ван»¹². В целом он дает монголам весьма положительную оценку, обращая внимание на их радушие [МДБЛ, 1975. С. 82—83]. А вот Пэн Дая, говоря о монгольских завоеваниях, постоянно употребляет определение «незаконный» (незаконные чиновники, незаконная гвардия, незаконные императрицы) [ХДШЛ, 1970. С. 735].

Авторы «Хэй-да ши-люе» часто проводят параллели между бытом монголов и китайцев. Например, перекочевку ханской ставки Пэн Дая сравнивает с переездом императорского поезда [Там же. С. 735], а налоговую систему — с практикой «снабжения императора» [Там же. С. 760]. Кроме того, путешественники отметили сходство монгольского гадания по бараньей лопатке с китайским гаданием по черепаховым панцирям [Там же. С. 754].

Только в «Хэй-да ши-люе» мы находим интересное замечание о том, что сыновья Великого хана Угэдэ изучали китайский язык [Там же. С. 725].

Удивление Пэн Дая вызвал тот факт, что в использовании рисунков на ткани татары не обращают внимания на социальное различие, так что у всех подряд можно встретить изображения дракона или феникса [Там же. С. 745] (символы, в Китае традиционно относящиеся, соответственно, к императору и императрице).

Кроме того, Пэн Дая приводит самые подробные сведения о состоянии языка монголов: «имеются звуки, но нет букв. В большинстве случаев он следует заимствованиям, но звучание последних соответствует его нормам», а также пишет, что у них нет ни фамилий, ни названий должностей [Там же. С. 746],

об уйгурском письме, принятом монголами, он пишет, что «письменность их похожа на вспугнутого змея и скрючившегося дождевого червя» [Там же. С. 749]. Сюй Тин же отметил, что у татар ныне в ходу три вида письменности [Там же] — мусульманская (уйгурская), китайская и старинный обычай изготовления деревянных бирок с насечками. О нарезывании меток на дереве упоминает также Ли Чжичан [Си-ю цзи, 1866. С. 289]. Чжао Хун сравнивает уйгурскую письменность, принятую монголами для сношений с другими государствами, с китайскими нотными знаками для флейты, а также замечает, что в последнее время «в сношениях с государством Цзинь у татар употребляется китайская письменность» [МДБЛ, 1975. С. 52]. Рубрук пишет, что монголы переняли уйгурские письма («они начинают писать сверху и ведут строку вниз») [Рубрук, 1957. С. 129], в его сочинении упоминаются несколько языков, бывших в ходу в тех краях: «Тибетцы пишут как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как арабы, но умножают строки, восходя вверх, а уйгуры пишут сверху вниз» [Там же. С. 155]. Имеется у него самое раннее¹³ западноевропейское описание китайской письменности — «пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово» [Рубрук, 1957. С. 155]. Марко Поло в своей книге об иероглифах не упоминает.

Вполне обоснованный интерес все посольства проявляли к военному делу монголов. Пэн Дая сообщает нам о десятичной системе организации монголов [ХДШЛ, 1970. С. 775]. Подтверждение находим в «Истории Татар» Ц. де Бридиа [Материалы, 2002. С. 117] и у Карпини [Карпини, 1957. С. 44]. Описывается в «Хэй-да ши-люе» принцип набора монгольского войска («войско — это те из народа, которым свыше пятнадцати лет. У них имеются кавалеристы, но нет пехотинцев» [ХДШЛ, 1970. С. 784]). Китайцы высоко оценили монгольское искусство стрельбы из лука [Там же. С. 780].

Пэн Дая описывает вооружение монголов, а также говорит о наличии у них катапульта [Там же. С. 786—787], о большом внимании, которое уделяется разведке [Там же. С. 794], о том, что монголы практикуют тайную смену места лагеря под покровом ночи с сохранением костров на старом для предотвращения ночных нападений [Там же. С. 796]. О настоящем восхищении монгольской конницей говорит следующее сравнение: «Их конница издали или вблизи, собираясь ли или рассеиваясь, появляясь ли или исчезая, всегда приходит внезапно, как будто небо рухнет, и уходит так же внезапно, как уносящаяся молния» [Там же. С. 797]. Высоко оценивал Пэн Дая и монгольскую тактику, притворные отступления, засады и замыкание кольца вокруг

¹² Китайский титул 國王 равнозначен княжескому. В современном языке, как правило, переводится как «король».

¹³ Путешествия в Восточные страны. С. 239. Примеч. 236. Подробнее см.: *Rockhill W. W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World. London, 1900.*

вражеских войск [ХДШЛ, 1970. С. 802]. Также он заметил, что татары следуют принципам мудрого полководца и питаются за счет противника [Там же. С. 790—791]. Сюй Тин добавил ко всему этому, что «нельзя лишь преувеличивать силу татар и не думать, с нашей стороны, о путях усиления» [Там же. С. 798].

Специальный раздел посвятил военному делу и Чжао Хун, заметивший, что «татары рождаются и вырастают в седле» [МДБЛ, 1975. С. 66]. Упоминает он и катапульты [Там же. С. 67]. При этом автор подчеркнул печальную действительность, что татары не щадят даже десятки тысяч людей во время осады, поэтому все города и крепости в конце концов всегда бывают взяты [Там же. С. 67].

В сочинении Ли Чжичана о воинском искусстве монголов не говорится. Возможно, это обусловлено тем, что в данном случае мы имеем дело с записками частного лица, в то время как Чжао Хун, Пэн Дая и Сюй Тин являлись в первую очередь послами Южных Сунов, а известно, что посольские функции тесно переплетаются с функциями разведывательными. Так было не только в Китае. Карпини напрямую пишет об этой своей задаче: «...мы не щадили самих себя... чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их (монголов. — *Е. Н.*) истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не достигли их врасплох» [Карпини, 1957. С. 24].

Европейцы отнеслись к монгольскому военному искусству с большим вниманием. В тексте Ц. де Бридиа подробно описывается традиционное для татар построение в три крыла, активное применение конных лучников, передвижение войска вместе с обозом [Материалы, 2002. С. 123—125]. Карпини упоминает суровые методы поддержания дисциплины (за бегство одного казнили весь десяток, за бегство десяти — сотню), особо останавливается на оружии (лук, топор, «веревки, чтобы тянуть орудия»¹⁴, кривые мечи, копья), подробно говорит о шлемах и латах для солдат и коней [Карпини, 1957. С. 50—51]. У него же мы находим интересное описание способа форсирования водных преград: каждый воин обязан иметь вмещающий все личное имущество кожаный

мешок, который при переправе привязывается к хвосту коня; впереди отряда один человек плывет рядом с лошастью, направляя её, а остальные безропотно следуют за ней [Там же. С. 52]. Кроме того, Карпини рассказывает о том, как монголы осаждают крепости (используют греческий огонь, запруживают реку, делают подкоп) [Там же. С. 53]. А Марко Поло, описывая сражение 1261 г. между Хулагу и Берке, говорит, что перед началом битвы монголы пускают конных лучников, чтобы те осыпали противника стрелами [Марко Поло, 1990. С. 212]. Есть в его труде также несколько слов об обычном для монголов оружии — лук, меч, палица. При этом подтверждается способность войска находиться на полном самообеспечении — «питаются кобыльим молоком да той дичью, что сами наловят, а кони пасутся на траве» [Там же. С. 81]. Отсутствие продовольственной зависимости от родной страны выгодно отличало монгольскую армию от армий их оседлых противников.

На основании личных впечатлений очевидцев мы рассмотрели некоторые аспекты жизни монголов и монгольской действительности XIII—XIV вв. В записках китайских и европейских путешественников есть много общего, иногда приводимые сведения взаимно подтверждаются, так что в их правдивости сомневаться не приходится. Это ценные исторические источники, на их основании можно сделать выводы о том, каким было монгольское общество в XIII в. и чем оно поражало современников. Верность слову, равнодушие к богатству — с одной стороны, подчинение командирам, дисциплина и высокая боеготовность — с другой, в сочетании с громкими военными успехами, делали их объектом повышенного внимания.

Европейцы видели в них Божье наказание за грехи [Карпини, 1957. С. 24; Материалы, 2002. С. 54—55], так же считали и мусульмане [Джувейни, 2004. С. 14, 44, 70], а иногда эту идею провозглашали сами монгольские правители [Сборник летописей, 1952. Т. 1, кн. 2. С. 205]. В то же время китайцы относились к ним с куда меньшим страхом, спокойно принимая саму возможность появления на своих землях очередных кочевников, поскольку китайская история знала уже немало подобных примеров.

Список литературы

- Джувейни, 2004: *Ата-Мелик Джувейни. Чингис-хан (Chingis-han)* / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.
- Карпини, 1957: Путешествия в восточные страны Джованни дель Плано Карпини и Гильома де Рубрука (*Puteshestvie v vostochnie strani Giovanni del Plano Karpini i Gilyoma de Rubruka*) / Пер. А. И. Малеина; вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
- Кафаров, 1902: *Кафаров П. И.* Комментарий на путешествие Марко Поло по Северному Китаю (*Kommentariy na*

- puteshestvie Marko Polo po Severnomu Kitayu*). СПб., 1902.
- Марко Поло, 1990: *Поло Марко.* Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано (*Kniga Marko Polo o raznootbrazii mira, zapisannaya pizantsem Rusticiano*) / Пер. И. П. Минаева; вступ. ст. И. П. Магидовича. Алма-Ата, 1990.
- Материалы, 2002: Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. (*Khristianskiy mir i «Velikaya mongolskaya im-*

¹⁴ Эта фраза служит ещё одним подтверждением наличия у монголов осадной техники вроде катапульт.

- periya». Materiali franciskanskoj missii 1245 g.) / Пер. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
- МДБЛ, 1975: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») (Meng-da bei-lu. Polnoe opisanie mongolo-tatar): пер. с кит. / Введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева [Памятники письменности Востока. Вып. 26]. М., 1975.
- Мункуев, 1961а: *Мункуев Н. Ц.* О «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да ши-люе» — записках китайских путешественников XIII в. о древних монголах (О Meng-da bei-lu i Hei-da shi-liue — zapiskakh kitaiskikh puteshestvennikov XIII v. О drevnikh mongolakh) // Китай. Япония. История и филология / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1961. С. 80—92.
- Мункуев, 1961b: *Мункуев Н. Ц.* Основные китайские источники по истории Монголии (XIII—XIV вв.) (Osnovnie kitayskie istochniki po istorii Mongolii (XIII—XIV vv.)) // Современная историография стран Зарубежного Востока / Отв. ред. Б. Н. Занегин. Вып. 1. М., 1963. С. 156—194.
- Мункуев, 1965: *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах (Kitaiskiy istochnik o pervikh mongolskikh khanakh). М., 1965.
- Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей (Sbornik letopisey). Т. 1 / Пер. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952;
- Рашид-ад-дин, 1960: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей (Sbornik letopisey). Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960;
- Рубрук, 1957: Путешествия в восточные страны Джованни дель Плано Карпини и Гильома де Рубрука (Puteshestvie v vostochnie strani Giovanni del Plano Karpini i Giljoma de Rubruka) / Пер. А. И. Малеина; вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
- Си-ю цзи, 1866: Си-ю цзи, или описание путешествия на Запад (Si-u ji, ili opisanie puteshestviya na zapad) / Пер., примеч. о. Палладия (Кафарова) // Труды Русской Духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 261—434.
- ХДШЛ, 1970: *Мункуев Н. Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников (Nekotore problemi istorii mongolov XIII v. po novim materialam. Issledovanie yuzhnosunskikh istochnikov): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т Востоковедения АН СССР, 1970.
- Чулууны, 1983: *Чулууны Д.* Монголия в XIII—XIV вв. (Mongoliya v XIII—XIV vv.) М., 1983.
- Rachewiltz, 1971: *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans. Stanford, 1971.
- Rossabi, 1988: *Rossabi M.* Khubilai Khan. His life and times. Berkeley, 1988.
- Franke, 1994: *Franke H.* China under Mongol Rule. Aldershot, 1994.

E. R. Nesterova

Mongols of the 13th century as seen by their contemporaries

The article investigates some aspects of how the Mongols of the 13th century were perceived by foreigners, presented in the works of travelers and ambassadors from Europe and China.

Key words: China, travelers, Mongols, image